

СТ. КАИРА

ДРЕВНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ

Представление о Передней Азии как древнейшем очаге земледелия и скотоводства, из которого они распространились на запад, на Балканы и далее — в Центральную Европу и Северное Причерноморье, а также на северо-восток, за периферию Северного Кавказа и в Среднюю Азию, ныне уже считается вполне обоснованным. Археологические раскопки, произведенные в последние 30—40 лет на Ближнем Востоке, в Северной Месопотамии и Западном Иране, убеждают в том, что в VIII—VI тыс. до н. э. в огромном регионе от Малой Азии до Каракумского канала было расположено множество поселений, от которых до настоящего времени уцелели холмы — телли, что проживавшее там доисторическое население было земледельцами и скотоводами (18, с. 14—16; 28, с. 204; 22, с. 3).

Таким образом, отчетливо прослеживаются следующие направления проникновения земледелия и скотоводства, возникших в Передней Азии: а) балкано-северопричерноморское; б) северокавказское и в) среднеазиатское, из которых остановимся на первом и втором.

Сходство найденной на Балканском полуострове монохромной керамики по композиции орнамента с синхронной керамикой Передней Азии свидетельствует в пользу мнения о постепенном проникновении на Балканы в форме так наз. „ползущей миграции“ отдельных племен из перенаселенных областей Передней Азии. Кроме того, на территории Болгарии — в Верхне-Фракийской низменности — обнаружены подобные переднеазиатским древнейшие неолитические поселения — телли (6, с. 114, 126). По мнению сторонников гипотезы „ступенчатой (ползущей) миграции“, появление раннеолитических культур с расписной керамикой в восточных и центральных частях Балканского полуострова связано с постепенным проникновением через район Босфора неолитического населения. Так, свастикообразный знак в центре и композиция из антропоморфных и зооморфных мотивов вокруг него из поселения Кременик находят самую точную параллель на сосуде, расписанном в так наз. стиле Самарры культуры Хассуна, бытовавшей в VI—V тыс. до н. э. в Северной Месопотамии. Весьма близка к цветной орнаментальной компози-

ции на посуде из раннеолитического слоя в Алишаре (Центральная Анатолия) орнаментальная композиция с использованием мотива перевитых спиралей, реставрированная по фрагменту из Кременика. Неолит Фессалии также связан своим происхождением с Передней Азией (21, с. 18–19).

Экономика Балкан и Подунавья в период неолита уже базируется на земледелии и скотоводстве. Для дунайских племен – носителей культуры линейно-ленточной керамики, часть которых обитала также в пределах современных Румынии и Украины, было характерно разведение крупного рогатого скота, коз, овец, свиней; они возделывали ячмень, пшеницу и бобовые. Антропологически это население было связано генетическими корнями с восточно-средиземноморским европеоидным расовым типом Передней Азии. Его представители были людьми среднего роста, которых отличали прежде всего узкое лицо с тонкими изящными чертами и удлиненная форма черепа – долихокrania (12, с. 59; 23, с. 25–27).

Материальная культура гумельницких и раннетрипольских племен на нынешних территориях Румынии, Молдавии и Украины, сменивших в IV–III тыс. до н. э. культуру дунайских племен линейно-ленточной керамики, так же тесно была связана с земледельческо-скотоводческой энеолитической культурой Балкан и Восточного Средиземноморья (13, с. 83). Общее сходство жилищ, использование рала и быков в качестве тягловой силы (признак занятий и земледелием и скотоводством), идентичность ассортимента каменных, костяных, кремневых и медных орудий труда свидетельствуют о близости как материальной, так и духовной культуры носителей культур Гумельница и Кукутени–Триполья (23, с. 24–25; 13, с. 77–83). Их близость к земледельческо-скотоводческой культуре населения восточной части средиземноморского бассейна и Передней Азии убеждает в том, что обе культуры сформировались в среде местного неолитического населения после его смешения и симбиоза с пришедшими с юга земледельческо-скотоводческими племенами (17, с. 79; 23, с. 25). Отмечая что явление, известный археолог-исследователь В. Н. Даниленко подчеркнул, что „...сложение трипольского этнокультурного единства происходило, с одной стороны, на основе буго-днестровской культуры, а с другой – на основе особой балкано-дунайской энеолитической культуры, возникшей под прогрессивным анатолийским воздействием. Подтверждением этой мысли является наличие в Малой Азии памятников канхассанского типа, а также сходных с ними памятников на восточных островах Эгейского моря“ (5, с. 224). Небезынтересно в этой связи привести остроумное замечание А. П. Погожевой: „Неолитическая пластика Греции, во многом сохранившая традиции анатолийских неолитических фигурок, несомненно могла влиять на балканскую раннеземледельческую пластику и определенно

на трипольскую“ (22, с. 18). Это еще раз подчеркивает то обстоятельство, что проникновение избыточного населения из древнейшего региона земледелия и скотоводства в Передней Азии посредством так наз. „ступенчатой миграции“ и на протяжении длительного исторического периода осуществлялось через его малоазиатскую периферию на Балканы и позже оттуда в Подунавье и Северное Причерноморье, т. е. правобережье Днестра.

В. П. Цыбесков, исследовавший идеологические представления носителей культуры Кукутени – Триполье, проанализировав обнаруженные археологами при раскопках их поселений культовые предметы, пришел к выводу о том, что „перед нами во всей своей полноте мировоззрение индоевропейского племени (разрядка моя – С. К.), когда общество и личность, труд и обряд, наука и религия преимущественно составляли еще одно нераздельное целое, а учение о небесных светилах было существенной стороной философско-религиозного взгляда на жизнь“ (27, с. 17). По-видимому, не будет излишним отметить, что на наиболее ранних зольниках, известных на территориях Румынии, Болгарии и правобережной Украины, которые совпадают в основном с прежним ареалом культур Гумельница и Кукутени – Триполье, часто находят крестовидные подвески из бронзы, относящиеся к рубежу III – II тыс. до н. э. Три стороны этих подвесок выполнены петлеобразно, четвертая имеет форму удлинённой трапеции, что весьма напоминает очертания древнеегипетского и сирийского креста с ушком – „анх“ – символа и иероглифа жизни. Он наблюдается в руках богов Древнего Египта на многих рельефах. Как известно, в Древнем Египте жрец созывал людей на молитву стоя на вершине зольника; подобный обычай существовал в глубокой древности и на Северном Кавказе (4, с. 174–175).

Согласно мнению исследователей, вещи из клада, найденного у с. Карбуна (Молдавия) (400 изделий из чистой меди горячей ковкой), были доставлены туда также из Восточного Средиземноморья, что, по-видимому, является еще одним свидетельством в пользу предположения о генетической связи культуры Кукутени – Триполье с Передней Азией (2, с. 89). Археологами уже давно отмечено, что племена – носители этой культуры, равно как и культуры Гумельница, имеют ряд общих признаков с носителями культуры Анау (близ Ашхабада), а именно: а) мотыжное земледелие, б) расписная керамика, в) появление медных орудий при преобладании каменных, г) женские статуэтки, д) большие глинобитные дома, в чем усматривается влияние общего переднеазиатского земледельческого очага (2, с. 91). „О более позднем характере возникновения земледелия на Балканах и в Западной Анатолии свидетельствует Чатал-Хююк – крупный центр раннекерамического неолита на равнине

Конья, где как в зеркале отразились достижения первых земледельцев“, — к этому выводу пришел В. С. Титов (24, с. 221).

„Городок Чатал-Хююк, — отмечает археолог-исследователь Передней Азии Джеймс Мелларт, — одновременный Иерихону докерамического неолита В, поселениям Джермо и Мерсин, создал высокоразвитую неолитическую цивилизацию, достойную метрополии. За ним последовали такие развитые культуры, как Хаджилар и Джан Хасан, с расписной керамикой и культовыми статуэтками непревзойденного на Ближнем Востоке качества, обогнавшие в художественном отношении любую из современных им культур так называемого „полумесяца плодородных земель“. Влияние этих культур распространилось на побережье Эгейского моря и дальше. Превосходство Анатолии в этот период, возможно, нашло отражение в появлении на ее периферии халафской культуры, которая оказала значительное влияние на Южную Месопотамию и менее прямое — на некоторые иранские культуры расписной керамики“ (18, с. 126). В этой связи будет вполне уместным отметить, что богато орнаментированная, расписная керамика близких друг другу культур Гумельница и Кукутени — Триполье, некоторые элементы культово-религиозных представлений носителей этих культур (в частности, культ богини плодородия — Великой Матери, прослеживающийся по непрерывной цепи находимых в Малой Азии, на Балканах и в Нижнем Подунавье, а также на Украине в местах поселений древнейших земледельческо-скотоводческих племен женских статуэток, как правило фиксирующих беременное состояние), некоторые особенности костюма (известные по антропоморфным статуэткам) свидетельствуют о постоянном контакте вышеупомянутых племен с Восточным Средиземноморьем. Причем женские статуэтки составляют 90% находок (23, с. 25).

В исследовании А. П. Погожевой приведены изображения трипольских статуэток с не вызывающим сомнений армяноидным антропологическим обликом (22, с. 72). По-видимому, это убеждающе свидетельствует о продолжавшемся и в IV—III тыс. до н. э. постепенном проникновении в балкано-северопричерноморском направлении избыточного земледельческо-скотоводческого населения из региона Передней Азии. Как известно, до установления индоевропейской принадлежности хеттского населения Малой Азии бытовала теория о его семитском происхождении. Она опиралась на визуальные антропологические оценки и определения статуй и рельефных изображений эпохи Хеттского Царства. В самом деле, для хеттов были характерны крупный загнутый книзу нос и скошенный лоб; их расовый тип абсолютно неиндоевропейский, а выраженный семито-армянский (10, с. 145). И только дешифровка хеттской письменности окончательно убедила всех скептиков и сомневав-

шихся в индоевропейской принадлежности хеттов-неситов. И поэтому все же следует отметить определенную близость в антропологическом аспекте последних, т. е. хеттов с носителями культур Гумельница и Кукутени — Триполье. В исторической литературе, базирующейся на археологических материалах, уже указывалось, что гумельницкие племена Румынии были важным промежуточным звеном, связывавшим племена трипольской культуры с земледельческо-скотоводческой энеолитической культурой Балкан и Восточного Средиземноморья, что уже было отмечено выше (13, с. 83). Постепенное проникновение („ступенчатая миграция“ — С. К.) земледельческо-скотоводческих племен из перенаселенных районов Передней Азии ныне с большой степенью убежденности констатируется исследователями (6, с. 130). Многие обращают внимание на Балканский полуостров и Подунавье как регион, куда устремлялось тогда избыточное население с Ближнего Востока (6, с. 130; 9, с. 18). Итак, прослеженный нами путь распространения земледелия и скотоводства на Балканы и в Подунавье и далее — в Центральную Европу и Северное Причерноморье — не вызывает уже сомнений. Особенно важно установление бывшего наличия прямых связей Кукутени — Триполья и Тисаполгар-Бодрогкерестур как синхронных культур, имеющих много общих черт. Последняя была исследована на территории Венгрии (3, с. 69). Кроме того, устанавливаются существовавшие связи культуры Кукутени — Триполье с культурой воронковидных кубков (20, с. 29), а также со сменившей последнюю культурой шаровидных амфор (20, с. 28; 29, с. 262 — 263), чьи поселения были исследованы на территориях Польши и западной Украины. Но можно ли высказывать предположения об этнической принадлежности, пусть даже в весьма общих чертах, носителей культур Гумельница и генетически связанной с ней Кукутени — Триполье, как это сделал В. П. Цыбесков?

И. М. Дьяконов в центральной Малой Азии времени Чатал-Хююка усматривает местонахождение праиндоевропейско-пракартвельской языковой общности, но высказывает уверенность в том, что прародина собственно индоевропейцев находилась между Балканами и Карпатами уже в V—IV тыс. до н. э. (9, с. 18). „Нет ничего в принципе невозможного, — говорит он, — и в том, чтобы пракартвело-индоевропейцы жили именно в Малой Азии, прежде чем праиндоевропейцы, выделившись из этой общности, пришли на собственную прародину (как я полагаю, на Балканы и в Подунавье), а картвелы — на свою, где бы она ни была“ (8, с. 18). И здесь необходимо привести касающееся причины оттока избыточного земледельческо-скотоводческого населения из древнейшего очага в Передней Азии на Балканы и далее высказывание И. М. Дьяконова. Он пишет: „Сложившуюся среди носителей современных индоевропейских языков биологическую ситуацию может объяснить

лишь передача языков по эстафете, но не миграция самих племен по всему многотысячекилометровому пути, независимо откуда вести миграцию — с Балкан или с Кавказа. Передача языков по эстафете именно и означает постепенное растекание носителей от первоначального ареала (не обязательно изнутри него!). А такое растекание может иметь только одну причину: рост населения в необычайно (для древности) благоприятных экологических условиях. Такие условия я вижу в Малой Азии VIII—VI тыс. до н. э., ... в Балкано-Дунайской зоне V—IV тыс. до н. э.“ (9, с. 18).

Близкая по содержанию мысль была также высказана П. М. Долухановым: „Распространение производящего хозяйства осуществлялось главным образом путем вовлечения в земледельческое производство различных групп мезолитического населения. При этом возникали обширные зоны, включавшие и неземледельческое население, в пределах которых осуществлялись широкие экономические и культурные контакты, распространялась общая идеологическая символика и язык („лингва франка“) как средство межэтнического общения. Такую функцию мог выполнять праиндоевропейский язык“ (7, с. 153). Из вышесказанного логически вытекает гипотетическое предположение, что применительно к иноязычной среде VIII—VI и V—IV тыс. до н. э. палеобалканского и нижнедунайского регионов привнесенные туда древнейшие диалекты переднеазиатского собственно праиндоевропейского непременно должны были претерпеть определенные изменения и эволюционизировать в качественно новое, уже близкое к индоевропейскому языковое состояние, если действительно в V—IV тыс. до н. э. между Балканами и Карпатами, как считает И. М. Дьяконов, находилась прародина всех будущих индоевропейских народов.

Если исходить из вышесказанного, то все же трудно согласиться, что именно палеобалканская и нижнедунайская среда, где в указанное время археологами наблюдается появление проникшего с малоазиатской периферии Передней Азии древнейшего земледельческо-скотоводческого населения, была прародиной индоевропейцев, ибо здесь главную роль играло земледелие, тогда как у последних уже давно установлено преобладание скотоводства. Однако генетические связи материальной и духовной культуры населения Балкан, Подунавья и Поднепровья с Передней Азией несомненны.

Необходимо рассмотреть также северокавказское направление распространения земледелия и скотоводства. Согласно новой прогрессивной концепции локализации прародины, первичной прародины индоевропейцев на территории Передней Азии, наиболее аргументированной лингвистически и, как общеизвестно, созданной советскими учеными Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ива-

новым, этому направлению отведена немаловажная роль в период после распада праиндоевропейского языка.

Известная по поселениям V–IV тыс. до н. э. в Армении, Грузии и Азербайджане энеолитическая культура также близка к ранним земледельческим и скотоводческим культурам Передней Азии, и в частности Северной Месопотамии (17, с. 82–83). О продвижении на север через Кавказ древнейших земледельцев и скотоводов из областей Передней Азии и Ближнего Востока свидетельствует появление в Закавказье и на Северном Кавказе расписной керамики с примесью соломы (16, с. 58). Идеологические представления энеолитического населения Кавказа также явились отражением развития земледельческо-скотоводческого хозяйства. Здесь одно из центральных мест в религиозном культе, как и у гумельницких, и у трипольских племен, занимало связанное с идеей плодородия женское божество – Великая Мать. Это подтверждается находками керамических и костяных женских статуэток, множества фигурок коз, овец и быков из глины (17, с. 83). Трехпалость, проработанная на руках у большинства статуэток культуры Кукутени–Триполье, неолитических фигурок Греции, культур Чатал-Хююк, Самарра и Хассуна, обнаруживает также ряд аналогий в Закавказье (22, с. 131).

Для определения этнической принадлежности расселявшегося в вышеуказанном направлении населения – древнейших земледельцев и скотоводов – немаловажное значение имеет заключение антрополога М. Г. Абдушелишвили о том, что „древнее население Грузии являлось северной частью большого антропологического пласта, охватывавшего Переднюю Азию, Закаспийскую область и Северную Индию“ (1, с. 85). Согласно наблюдению В. В. Бунака, долихомезокраны средневекового Кавказа представляли собой далеких потомков „одной из ветвей древней группы племен Передней Азии, распространившейся вдоль Черноморского побережья и проникшей на Северный Кавказ в эпоху неолита“ (приводится Я. А. Фёдоровым, см.: 25, с. 64). „Скудный пока палеоантропологический материал эпохи энеолита Закавказья и Северного Кавказа, – отмечают Я. А. и Г. С. Федоровы, – свидетельствует все же о том, что он идентичен палеоантропологическому материалу Передней Азии в целом. Это были узколикие долихокраны, относящиеся к восточной части средиземноморской расы“ (26, с. 84–85). Как указывалось выше (12, с. 59), подобный тип был также присущ дунайским племенам линейно-линейной керамики V тыс. до н. э. – первым земледельцам и скотоводам этого региона, которые, как известно, являлись отдаленными предшественниками на этой территории носителей культур Гумельница, Тисаполгар–Бодрогкерестур и Кукутени–Триполье. Это обстоятельство делает вполне вероятным осторожное предположение об определенной культурно-языковой близости ранних

Западный Прикаспий. Тогда же эти районы стали играть роль северной периферии обширного региона оседлых земледельцев и скотоводов Ближнего Востока (26, с. 80; 17, с. 89–90; 2, с. 79).

Недавно в исторической литературе было высказано убеждение в том, что сложение древнеямной культуры в степном регионе между низовьями Волги и Днепра явилось следствием инфильтрации группы пришлых, тяготеющих к северокавказскому этническому массиву племен — носителей так наз. кемиобинской культуры в ранее расселившиеся там группы носителей так наз. среднестоговской культуры (13, с. 88). Ямные племена оставили свои курганы и на Северном Кавказе вплоть до Кубани и Терека, а каменные стелы — до Кавказского хребта. Ямники — носители древнеямной культуры поддерживали контакты с носителями куро-араксской культуры. Находки степной керамики на куро-араксских поселениях и предметов куро-араксского импорта в причерноморских степях являются подтверждением этого. По мнению Е. Е. Кузьминой, археологический материал южнорусских степей второй половины IV — III тыс. до н. э., однако, не дает оснований для гипотезы о массовой миграции населения через степно-пустынную Среднюю Азию, связи с которой минимальны, из Малой Азии и с Иранского плато (15, с. 110–111). Одновременно Е. Е. Кузьмина пришла к выводу о том, что в данном случае речь может идти только о прогрессивном влиянии земледельческо-скотоводческих цивилизаций Передней Азии на аборигенных носителей древнеямной (курганной) культуры южнорусских степей. Заслуживает особого внимания ее мысль: „Если принять выдвигающуюся ранее гипотезу об индоевропейской принадлежности населения южнорусских степей III тыс. до н. э. (чему не противоречит археологический материал), то отмеченные связи как с культурами Юго-Восточной Европы, так и с кавказскими культурами могли бы объяснить выявленные лингвистами схождения индоевропейских языков с другими языковыми группами, в частности с картвельскими и нахско-дагестанскими языками Кавказа“ (15, с. 110–111).

О том, что прародиной пракартвелов были центральные районы Закавказья, сходятся мнения исследователей: антропологов, лингвистов и историков (1, с. 81; 14, с. 37; 19, с. 13). И. М. Дьяконов по этому поводу замечает: „Нет ли у культуры Кахетии III тыс. до н. э. связей с современной ей культурой Майкопа по северную сторону Большого Кавказа? Нет ли связей с трипольской культурой? Слово здесь за археологами. По мнению Г. А. Климова, автора „Этимологического словаря картвельских языков“ (М., 1964, с. 3), который видит ближайшую прародину картвельских языков в горах Большого Кавказа, а выделение чанского языка, занимавшего Лазику (Понт в Малой

Западный Прикаспий. Тогда же эти районы стали играть роль северной периферии обширного региона оседлых земледельцев и скотоводов Ближнего Востока (26, с. 80; 17, с. 89—90; 2, с. 79).

Недавно в исторической литературе было высказано убеждение в том, что сложение древнеямной культуры в степном регионе между низовьями Волги и Днепра явилось следствием инфильтрации группы пришлых, тяготеющих к северокавказскому этническому массиву племен — носителей так наз. кемиобинской культуры в ранее расселившиеся там группы носителей так наз. среднестоговской культуры (13, с. 88). Ямные племена оставили свои курганы и на Северном Кавказе вплоть до Кубани и Терека, а каменные стелы — до Кавказского хребта. Ямники — носители древнеямной культуры поддерживали контакты с носителями куро-араксской культуры. Находки степной керамики на куро-араксских поселениях и предметов куро-араксского импорта в причерноморских степях являются подтверждением этого. По мнению Е. Е. Кузьминой, археологический материал южнорусских степей второй половины IV—III тыс. до н. э., однако, не дает оснований для гипотезы о массовой миграции населения через степно-пустынную Среднюю Азию, связи с которой минимальны, из Малой Азии и с Иранского плато (15, с. 110—111). Одновременно Е. Е. Кузьмина пришла к выводу о том, что в данном случае речь может идти только о прогрессивном влиянии земледельческо-скотоводческих цивилизаций Передней Азии на аборигенных носителей древнеямной (курганной) культуры южнорусских степей. Заслуживает особого внимания ее мысль: „Если принять выдвигающуюся ранее гипотезу об индоевропейской принадлежности населения южнорусских степей III тыс. до н. э. (чему не противоречит археологический материал), то отмеченные связи как с культурами Юго-Восточной Европы, так и с кавказскими культурами могли бы объяснить выявленные лингвистами схождения индоевропейских языков с другими языковыми группами, в частности с картвельскими и нахско-дагестанскими языками Кавказа“ (15, с. 110—111).

О том, что прародиной пракартвелов были центральные районы Закавказья, сходятся мнения исследователей: антропологов, лингвистов и историков (1, с. 81; 14, с. 37; 19, с. 13). И. М. Дьяконов по этому поводу замечает: „Нет ли у культуры Кахетии III тыс. до н. э. связей с современной ей культурой Майкопа по северную сторону Большого Кавказа? Нет ли связей с трипольской культурой? Слово здесь за археологами. По мнению Г. А. Климова, автора „Этимологического словаря картвельских языков“ (М., 1964, с. 3), который видит ближайшую прародину картвельских языков в горах Большого Кавказа, а выделение чанского языка, занимавшего Лазику (Понт в Малой

Азии), относит к I тыс. до н. э., картвелы двигались в Грузию не с юга, а с севера. Тогда почему бы предполагаемой пракартвелопраиндоевропейской общности не находиться в Юго-Восточной Европе? И здесь же Г. А. Климов замечает, что родство картвельских и северокавказских языков, если не принимать во внимание субстратное влияние последних на первые, не может считаться доказанным, поскольку северокавказские, по-видимому, не являются ностратическими. Как известно, их ныне уже относят к сино-кавказской большой прасемье, тогда как картвельские В. М. Илlichem-Свитычем и его школой отнесены к ностратическим (8, с. 20).

Поскольку же распространение земледелия и скотоводства из Передней Азии по направлению к Северному Причерноморью через Балканы и Кавказ было движением на север, по-видимому, теперь вполне логично сделать и такое предположение в пользу движения пракартвелов в Грузию все-таки с юга...из Передней Азии. И опять-таки предположительно, совместно с носителями праиндоевропейских диалектов, которые в обход Кавказского хребта и через его перевалы проникли постепенно, посредством так наз. „ступенчатой (ползущей) миграции“ отдельных племен на Северный Кавказ и таковым образом оторвались от пракартвелов ...

Таким образом, на территории Северного Причерноморья уже примерно в начале III тыс. до н.э. как бы встречаются с запада и востока две волны культурно-экономических влияний, проникшие сюда соответственно через Малую Азию — Балканы и Закавказье — Северный Кавказ из общего древнейшего очага земледелия и скотоводства в обширном регионе Передней Азии. Это нашло конкретное выражение в появлении между Балканами и Карпатами, где указывает И. М. Дьяконов, культур Гумельница и Тисаполгар — Бодрогкерестур и культуры Кукутени — Триполье в современных пределах восточной Румынии, на территориях Молдавии и Украины, которые характеризовались большим удельным весом земледелия. И это же выразилось в формировании в южно-русских степях к востоку от нижнего Днепра, в Подонье и Нижнем Поволжье древнеямной (курганной) культурной общности племен, где в связи с понижением агроклиматического потенциала, вызванного глобальной засушливостью климата, распространилось пастушеское скотоводство (6, с. 134) при известном сохранении земледелия. Именно в этом регионе произошла domestикация лошади, появилось коневодство (13, с. 87—88).

Древнеямные племена стали той грозной силой, которой тщетно пытались на протяжении нескольких веков оказывать сопротивление трипольские племена. Но предположительно уже во второй половине — конце III тыс. до н.э. земледельческие племена культуры Кукутени — Триполье были ассимилированы носителями скотоводческой древнеямной (курганной) культуры.

На последующий период существования ямных племен, когда они достигли Балканского полуострова, приходится их связи со Средиземноморьем. Однако не ослабевают и связи с Кавказом (12, с. 96—99; 11, с. 161; 6, с. 235—236). Так возник эпицентр будущих дальних миграций индоевропейских скотоводов...

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдушелишвили М. Г. К краниологии древнего и современного населения Кавказа. Тбилиси, 1966.
2. Авдусин Д. А. Археология СССР. М., 1967.
3. Авилова Л. И. Погребальный обряд земледельцев энеолита Центральной и Юго-Восточной Европы (по материалам культур Тисаполгар—Бодрогкерестур и Кукутени—Триполье) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. История. 1981. № 3. С. 56—69.
4. Березанская С. С. Северная Украина в эпоху бронзы. Киев, 1982.
5. Даниленко В. Н. Неолит Украины. Киев, 1969.
6. Долуханов П. М. География каменного века. М., 1979.
7. Долуханов П. М. Этнолингвистические процессы на территории Восточной Прибалтики по археологическим и палеоэкологическим данным // Международная конференция балтистов, 9—12 октября 1985 г.: Тез. докл. Вильнюс, 1985. С. 153—154.
8. Дьяконов И. М. О прародине носителей индоевропейских диалектов // I—ВДИ. 1982. № 3. С. 3—30.
9. Дьяконов И. М. О прародине носителей индоевропейских диалектов // II—ВДИ. 1982. № 4. С. 11—25.
10. Замаровский В. Тайны хеттов. М., 1968.
11. Збеневич В. Г. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев, 1974.
12. Історія Української РСР. Т. 1. Кн. 1: Київ, 1977.
13. История Украинской ССР. Т. 1: Киев, 1981.
14. Климов Г. А. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.
15. Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н. э.); Тр. междунар. симпоз. по этнич. пробл. истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н. э.). Душанбе, 17—22 октября 1977 г. М., 1981. С. 101—121.
16. Кушнарёва К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970.
17. Мартынов А. И. Археология СССР. М., 1982.
18. Меллаарт Дж. Древнейшие цивилизации Древнего Востока / Пер. с англ. М., 1982.
19. Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.
20. Мовша Т. Г. Взаимосвязи Триполья—Кукутени с синхронными культурами Центральной Европы // Археологія, 1985. № 51. С. 22—31.
21. Николов В. Раннеэнеолитические культуры в Западной Болгарии // Сов. археология. 1984. № 2. С. 5—21.
22. Погожева А. П. Антропоморфная пластика Триполья. Новосибирск: Наука, 1983.
23. Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953.

24. Титов В. С. Неолит Греции (периодизация и хронология). М., 1969.
25. Федоров Я. А. В обход Кавказского хребта и через его перевалы (страницы этнической истории Северного Кавказа эпохи бронзы) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. История. 1980. № 2. С. 64–76.
26. Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние этапы этнической истории Дагестана // Вестн. Моск. ун-та. Сер. История. 1981. № 6. С. 77–88.
27. Цыбесков В. П. Обряд „поения земли“ и культ луны в идеологических представлениях трипольских племен // Археология. 1984. № 47. С. 13–24.
28. Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства. М., 1980.
29. Энеолит СССР // Археология СССР. М., 1982. Т. 4.